

Юлия Федотова

**ТЬМА. ИСПЫТАНИЕ ЗЛОМ
СВЕТ. ИСПЫТАНИЕ ДОБРОМ?**

ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНАЯ КНИГА

Юлия Федотова

Свет.
Испытание Добром?

Роман

Москва, 2012
€ АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ф34

Художник
В. Бабкина

Федотова Ю. В.
Ф34 Свет. Испытание Добром?: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 408 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1190-0

Хорошо тому, кто противостоит Тьме. Сразу ясно, что он — благородный герой, ступивший на стезю борьбы со Злом. Но тот, чьим противником оказывается Свет, поневоле задается вопросом: уж не само ли Добро он подрядился искоренять, а Зло, соответственно, сеять?

Да, именно это приключилось с ними, недавними победителями Тьмы! Новая карта в колдовской книге, новая тайна, новое испытание для мира. И старый, но очень неприятный вопрос: кто станет Воплощением на этот раз?

Под подозрением пятеро: Йорген фон Раух, темный по природе своей, Кальпурций Тиилл, податливый на колдовство, Черный Легивар, надумавший практиковать некромантию, Семиаренс Элленгааль, некогда отворивший путь Тьме, и юный хейлиг Мельхиор, выходец из семьи потомственных колдунов. Любой из них подходит на эту роль. Только воплощать ему на этот раз придется не Тьму, а Свет. А добрые друзья должны будут решить: нужно ли снова оставить Воплощение в живых или на этот раз его все-таки придется убить?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1190-0

© Федотова Ю. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ГЛАВА 1,
в которой Йорген фон Раух огорчается из-за жабьей икры
и непомерных доходов практикующих ведьмаков

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой...

А. С. Пушкин

— Ты мучитель, — сказал Йорген обиженно. — У тебя нет чувства товарищества! Столько испытаний мы преодолели вместе, плечо к плечу, можно сказать. Столько пережили. И после всего этого ты спрашиваешь меня про жабью икру?! А ведь ее даже в билетах не было!

— Я задал дополнительный вопрос, — тоном непреклонным и суровым возразил Черный Легивар. — Билеты не могут учесть всего, что обязан знать боевой маг. Жабья икра — важнейший ингредиент...

— Да это я уже усвоил, — огрызнулся студиозус. — А ты не мог про нее дома спросить, раз уж она для тебя так важна? Не на экзамене? — Он был раздосадован до крайности. — Ну надо же! Целый балл срезали, и все из-за какой-то земноводной ерунды... из-за ингредиента, я хотел сказать...

Глаза Легивара нехорошо сверкнули, и Йорген счел нужным поправиться, потому что впереди был зачет по истории магии.

— Вот если ты меня еще и на истории заваливать станешь — больше мы не друзья! Так и знай! И жить пересече-

люсь в комнаты при трактире! Буду бездельничать, пьянствовать и водить распутных девиц. И моя преждевременная смерть от стыдной болезни будет на твоей совести!

Угроза возымела действие. Легивар Черный заговорил примиряюще:

— Йорген, ну как тебе не совестно? Никто тебя не «заваливал», я лишь хочу, чтобы ты стал хорошим боевым магом. Ведь не на предиктора учишься или там травника какого-нибудь. Враг в бою...

— Враг в бою уж точно не спросит меня про жабью икру. Не сомневайся! — выпалил ланцтрегер фон Раух. — И даты моровых поветрий его тоже не интересуют. Вот только попробуй спроси меня на зачете про моровые поветрия — не прошу!

...Второй семестр подходил к концу.

«Если после всей этой истории нам суждено уцелеть, больше никогда в жизни не прибегну к колдовству! Клянусь! — сказал однажды в сердцах Йорген фон Раух, едва не погибнув во мрачных пещерах Хагашшая. Но, подумав, прибавил: — Или наоборот. Пойду учиться на колдуна!» Так оно и вышло.

Два месяца без малого занял обратный путь, и легким его никто не назвал бы. Тьма покинула мир, но это не значило, что покой и благодать мгновенно воцарились в нем. Многие твари подошли сразу — те, кому мозгов не хватило скрыться от дневного света, хлынувшего на землю в прорехи дождевых туч. Но шторбы, вервольфы, злобные гайсты и прочие разумные порождения мрака — они никуда не делись, они продолжали существовать, как существовали тысячу лет до Испытания: прятались днем, выходили на охоту ночью. И Ночную стражу в королевстве Эренмарк никто не собирался упразднить.

Однако молодой король Видар и слышать не хотел, чтобы столичным ее гарнизоном продолжал командовать ланцтрегер фон Раух, величайший герой наших дней, избавивший мир от великого Зла! Слишком скромная должность для такой выдающейся персоны, решил он. И пожелал видеть ланцтрегера при дворе. В общем,

королевская милость и всенародная любовь обрушились на бедного «героя» такой лавиной, что ему ничего другого не оставалось, как бежать от них в чужие края. Тут и пришелся кстати обет, данный когда-то на нервной почве. Обеты нарушать нельзя — это признавал даже молодой король Видар. Скрепя сердце он отпустил своего нового приближенного в обучение, должность старую за ним пока сохранив. И ланцтрегер недолго думая направился в соседний Эдельмарк, в Реоннскую академию тайных наук. Просто других учебных заведений подобного рода он не знал... Хотя нет, слышал еще про Хайдельскую оккультную семинарию, альма-матер ведьмы Гедвиг Нахтигаль, но ошибочно полагал, что готовят там исключительно лекарей и повитух.

На самом деле особой тяги к тайным знаниям Йорген не испытывал, и карьера мага его не прельщала. Поэтому вначале он планировал всего лишь пересидеть в Реонне месяц-другой, пока на родине не поулягутся страсти вокруг его персоны. Но идея стать колдуном неожиданно нашла поддержку в семье, и даже ландлагенар Норвальд не стал возражать.

Отцу не по сердцу была вся эта шумиха вокруг сыновей. Пусть один оказался славным героем, но второй-то — главным злодеем, едва не ввергнувшим мир во Тьму. И чем скорее позабудут о первом, справедливо полагал старший фон Раух, тем скорее забудется и второй, поселившийся затворником в отчем замке — подальше от глаз людских, на чердаке заднего крыла — подальше от взоров родительских. «Отныне у меня лишь два сына!» — молвила леди Айлели, ни слезинки не проронив. «У тебя всегда их было только два!» — злобно бросил Фруте, посадил на плечо любимую ворону Клотильду и ушел на чердак; туда ему носили еду и питье. Под замком не держали — иди куда хочешь. Только он идти никуда не хотел. Сидел и плакал долгими днями. Ландлагенару Рюдигеру не было жаль мальчишку, он вырвал сына-предателя из своего сердца. Два так два! И совсем даже не плохо, если второй в придачу к геройству своему делается настоящим колдуном. «Учись, сын! — сказал ландлагенар. — Ты стал славным воином, так не по-

срами же гордое имя фон Раухов на новом, тайном поприще!»

Вот почему учился Йорген неплохо (во всяком случае, лучше, чем собирался изначально). Вот почему его так раздосадовал балл, срезанный из-за жабьей икры.

...В академию он поступил легко — приемные испытания оказались сущим пустяком для того, кто изучал *сейд*, и *галдр*, и *мэйн*, и *ведербэльгр*¹, и еще одно, неназванное. Правда, от этого «неназванного» реонские академики слегка опешили, любопытствовали, где именно он «успел нахвататься этакой гадости в свои-то юные годы», и велели впредь не пускать ее в ход без крайней нужды. Это тоже было просто, благо нужды не возникало.

Гораздо сложнее оказалось избавиться от привычки называть вещи своими именами. Почему-то общеупотребительное слово «колдовство» считалось в стенах академии дурным тоном. Нужно было непременно говорить «магия». И несладко, ох несладко приходилось новичкам! Забудешься, брякнешь по привычке — и получишь от наставника линейкой по голове: «Это что за деревенские замашки! Ты будущий маг или кнехт² дремучий?!» И неважно, что «дремучий кнехт» числит род чуть не со времен восшествия Дев Небесных и земли в его ленных владениях столько, что легко можно разместить половину всего Эдельмарка. В академии на такие вещи не смотрят, бьют наравне со всеми. Что ж, это справедливо. В отличие от вопроса про жаб!

Как-то не рассчитывал Йорген фон Раух, упустил из виду, что среди новых учителей его может оказаться старый боевой товарищ Хенрик Пферд, более известный под именем Легивара Черного, бакалавра магических наук.

Давно миновали те дни, когда они глядели друг на друга волком. Встрече были рады оба. Случилась она на семинаре по истории магии и оказалась для Легивара еще более неожиданной, чем для Йоргена. Маг даже указку выронил. А после занятий отвел старого друга к себе в дом и поселил

¹ Формы колдовства в древней Скандинавии. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² От нем. Knecht — батрак, раб.

в свободной комнате, решив, что под присмотром тот будет заниматься усерднее и достигнет больших высот в науках. Это было разумное решение, и в том, что гордое имя фон Раухов не было-таки посрамлено в первый же семестр, оно сыграло не последнюю роль, ведь прилежание никогда не входило в число добродетелей ланцтрегера Эрцхольма.

Черному Легивару, не в упрек ему будет замечено, вышла своя польза от такого соседства. Хоть и числился он среди коллег великим героем, но платили ему не больше, чем любому другому лиценциату¹ — на жизнь хватало, и только. Йорген же, прямо скажем, не бедствовал. Учение его было оплачено на пять лет вперед, причем из королевской казны. Оттуда же шло содержание — молодой король Видар был хоть и недалек умом, зато щедр истинно по-королевски. Ландлагенар Норвальд отставать от сюзерена не желал, раз в месяц слал сыну с верным гонцом мешочек золотых. В общем, денег у студиязуса фон Рауха водилось куда больше, чем он мог издержать. «Хоть нового коня каждый месяц покупай!» — так он сам охарактеризовал свое материальное положение. Однако кони ему были не нужны вовсе, ни старые, ни новые. Поэтому он как-то незаметно взял на себя все расходы на жилье и общий стол. Легивар Черный поначалу изображал гордость и настаивал на паритете, но очень скоро смирился и привык. Йорген его убедил: «Это же не я лично плачу, а казна! Какой тебе интерес заботиться о сохранности эренмаркской казны? Если бы не мы — может, всего Эренмарка уже и на свете не было бы. Так что имеем право...» — «Тоже верно, — сказал себе бакалавр, — имеем!» Он всегда умел ладить с собственной совестью.

Между собой они тоже хорошо ладили, старая неприязнь забылась совершенно. Нельзя сказать, что заносчивый характер Черного Легивара вдруг изменился к лучшему, просто Йорген научился прощать его замашки, точнее, просто внимания на них не обращал. И в письме другу Кальпурцию Тииллу в ответ на его вопрос, не случается ли

¹ Лиценциат — бакалавр, получивший право читать лекции.

между ними прежних ссор, однажды написал так: «Никто не упрекнет фельзендальскую лошадку за то, что не родилась гартским скакуном, или черного пса за то, что боги не создали его белым. Наш друг Легивар таков, каков он есть, а что мы не можем изменить — с тем разумнее смириться». Кальпурций счел утверждение спорным, но в целом остался доволен, что хрупкая дружба, зародившаяся между ними после победы над Тьмой, не распалась по прошествии времени, а, наоборот, окрепла.

А вот с соучениками своими ланцтрегер фон Раух за весь год так и не сошелся. Прежде ему доводилось слышать веселые байки из жизни школяров: о товарищеских пирушках, забавных розыгрышах и амурных похождениях, поединках шуточных и серьезных и прочих развлечениях молодости. Примерно этого он и ждал найти в академии — после долгих военных лет ему хотелось быть легкомысленным и беспечным. Однако действительность ожидания не оправдала — компания подобралась не та. Начинающие маги (к слову, все как один старше его самого, а ведь он и себя-то считал человеком весьма зрелым и умудренным жизнью!) были серьезны, как хейлиги на похоронах, удручающе амбициозны и к порокам юности решительно не склонны. Уж на что занудным типом был Легивар Черный — эти и ему могли фору дать, каждый из десяти, будто нарочно их вместе свели! Их не интересовало ничего, кроме текстов заклинаний, способов начертания рун, рецептов зелья и прочих колдовских премудростей.

Они ради этого и жили и меж собой соперничали жестоко — в стремлении друг друга превзойти недосыпали ночей, корпя над учебниками, недоедали куска, растрачивая скудное содержание на редкие книги и дорогие компоненты тинктур. И бесшабашный Йорген фон Раух сразу пришелся им не по нраву. Возможно, они простили бы ему и не вполне человеческую природу, и благородное происхождение, и денежный достаток, и отсутствие фанатической тяги к тайным знаниям. Но одного простить никак не могли: не просиживая часами над книгой, не пропадая по ночам в лабораториях, порой отчаянно плавая в теории (вот как сегодня на экзамене: это надо же — не знать облас-

ти применения жабьей икры! Позорище!), проклятый северянин на практике легко обходил и каждого из них по отдельности, и всех десятерых скопом, и на квалификационных испытаниях в конце первого семестра перешел на четвертую ступень мастерства! Вот что злило больше всего, лишая покоя и сна.

Впрочем, самому Йоргену до их душевных терзаний не было никакого дела. После нескольких злобных выпадов со стороны сокурсников он просто перестал их замечать, даже не считал нужным отражать огненные шарики, брошенные в спину, просто покупал новую мантию вместо прожженной. «Неужели я позволю этим спесивым индюкам испортить себе настроение? — говорил он возмущенному Легивару. — Да плевал я на их лысины с высокой башни!»

Вот в этом ланцтрегер был категорически неправ. Как раз лысин-то у его недоброжелателей и не было, наоборот, все как один носили волосы длинные и густые, как и положено лицам тайного сословия. Йорген и в этом среди них выделялся.

Следуя старой академической традиции, едва изучив нужные заклинания, студиязусы-первогодки поспешили придать своей внешности вид, подобающий каждому серьезному магу, то бишь отрастили локоны по пояс и стали собирать их в конский хвост. Йорген фон Раух добросовестно последовал их примеру и тоже обзавелся хвостом. Волосы вышли красивые — блестящие и темные, как у настоящего нифлунга. Прическа новая оказалась Йоргену очень к лицу, придав вид, с одной стороны, романтический, с другой — несколько зловещий, и три дня он ходил писанным красавцем. А на четвертый не выдержал и боевым мечом, с которым так и не научился расставаться в мирной жизни, отсек хвост наискось. Потому что красоту, как выяснилось, надо было расчесывать по утрам, а к этому кропотливому занятию нервная система ланцтрегера оказалась решительно не приспособлена. Еще три дня он ходил «неопрятным кнехтом», не обращая внимания на косые взгляды реоннских обывателей. На четвертый потерял терпение Легивар и на правах старого боевого товарища и

академического наставника чуть не пинками спровадил Йоргена в цирюльню, чтобы там его привели в божеский вид. Но из цирюльни Йорген воротился стриженным коротко, как солдат-гвардеец, и еще радовался, проводя ладонью по щетинистой макушке, как ему стало хорошо и легко и гребень не нужен вовсе! За год он, конечно, успел заметно обрасти, но до общего уровня все равно недотягивал. Да и мантию черную, приличествующую всякому магу, напяливал только на занятия, а вне академических стен носил привычную куртку эренмаркского стражника. «Хламиду» же свою (так он ее называл) сворачивал в узелок и тасил домой под мышкой — представляете, какой вид она имела в результате обращения столь небрежного?! Если бы Лизхен по просьбе того же Легивара не приводила ее время от времени в порядок при помощи тяжелого чугунного утюга, стыдно было бы и на люди показаться!

К слову, милым именем Лизхен звали их квартирную хозяйку, полное имя — Лиза Кнолль. Была она молодой вдовой, белошвейкой по роду занятий и близкой, скажем так, подругой своего квартиранта. Отношения между ней и Черным Легиваром Йорген для себя определил как «порочные». В этом не было ни намек на осуждение, просто утверждение очевидного факта: маг не имел ни малейшего намерения брать белошвейку в жены, да и сама веселая вдовушка не спешила связывать себя узами повторного брака. Они временно любили друг друга, и только.

Йоргену Лизхен нравилась, хоть и не отвечала его представлениям о женском идеале. Как мы помним, ланцтрегер предпочитал девушек красивых и умных независимо от происхождения оных. Так вот, как раз умом-то наша бедняжка похвастаться и не могла, была, прямо скажем, глуповата, и жизненные интересы ее не шли дальше собственной кухни и палисадника. Зато красива была настолько, что Йорген, пожалуй, простил бы ей недостаток столь незначительный, как отсутствие мозгов. Но, увы, она была женщиной его друга, и честь рода фон Раухов никогда бы не позволила ланцтрегеру встать на их пути. Однако это не мешало ему относиться к Лизхен с душевной теплотой.

Летние испытания не прошли для Йоргена даром, а мо-

жет, это перемена места сказала пагубно — в тот год он часто болел простудой. Сам он был склонен эту хворь не замечать вовсе. Но чем-то встревоженный Легивар всякий раз, когда друг начинал чихать и кашлять, укладывал его в постель и приглашал лекаря. Ну Йорген и не возражал — какой дурак откажется прогулять денек-другой, поваляться с книгой в теплой чистой комнатке, украшенной полосатыми половиками и цветком в кадке, когда за окном дует промозглый западный ветер, рвет черепицу с крыш, а в академии профессор Кумпелль скучнейшим голосом, способным усыплять мух на лету, читает лекцию о тварях Тьмы и приемах борьбы с оными и несет при этом такую чепуху, что уши сворачиваются фунтиком! Совершенно очевидно, что седенький профессор, успевший благополучно состариться еще до прихода темных лет, за всю свою жизнь ни одной темной твари не убил, и слушать его поэтому не хочется, а хочется спать, уткнувшись носом в пюпитр...

В общем, Йорген не без радости оставался в постели, отданный на попечение все той же Лизхен. Она поила его какими-то травами, собранными собственноручно (тем, что оставлял лекарь, она не доверяла), поправляла одеяло, теплыми мягкими губами трогала лоб, проверяя, нет ли жара, и, сидя рядом с вечным своим шитьем, тихо напевала протяжные южные песни. Это была тихая домашняя идиллия, почти незнакомая Йоргену прежде, и думалось ему в такие минуты, что у простонародья есть свои преимущества перед благородными господами и жизнь этих людей вовсе не так беспросветна и убога, как кажется из окон величественных замков и роскошных дворцов...

Правда, дольше трех дней такого смиренного времяпрепровождения ланцтрегер выдерживал с трудом и не понимал, отчего Легивар продолжает удерживать его дома, ведь ему уже полегчало. А дело в том, что маг видел *страшное*, о чем сам Йорген не подозревал, да и сиделка Лизхен заметить не умела. В те дни, когда ланцтрегер бывал действительно нездоров, странная тень ложилась на его лицо, и не могли прогнать ее ни солнечный луч, упавший из окна, ни свет свечи, поднесенной чуть не к самому носу. Да и во

всем облике его появлялась едва заметная, но зловещая прозрачность.

Тьма — вот что это было. Тьма не получила свою жертву, вырванную из ее объятий магией Жезла Вашшаравы. Тогда, в скалах Хагашшая, Тьма отступилась от нее, но не пожелала отказаться совсем. Она до сих пор стремилась забрать то, что причиталось ей по условию *чьей-то* жестокой игры. И Легивар Черный, никудышный практик, но выдающийся теоретик магии, знал это и со страхом наблюдал за проявлениями Зла. Но Йоргену не говорил ничего — зачем зря тревожить?

К счастью, гнилая, раскисшая осень сменилась крепкой и морозной, по-настоящему северной зимой, и здоровье Йоргена сразу улучшилось. За всю весну он простудился только один раз, в середине марта, и Легивар, привычно вглядываясь в его лицо, страшной тени уже не увидел. Ушла. Навсегда ли? Хотелось верить...

— Так ты обещаешь, что не станешь спрашивать про моровые поветрия? — Йорген не успокоился даже после того, как Легивар скрепя сердце пробормотал что-то вроде: «Ну извини, был неправ» (очень немногим в этом мире доводилось слышать подобное из уст гордеца-бакалавра!). Но студиозусу фон Рауху и этого показалось мало, он желал обезопасить себя на завтра. — Поклянись, что не спросишь! Поклянись! — пристал он.

— Не спрошу, если не будет в билете, — обещал наставник сдержанно. — Иначе не обессудь.

— Договорились! — легко согласился Йорген, посчитав условие справедливым: если в билете попадетсЯ, тогда деваться некуда и Легивар не поможет — придется отвечать. — Но ты все-таки клянись.

— Ну клянусь, — отмахнулся бакалавр, тема ему уже наскучила. — И не досаждай мне больше сегодня!

— Не «ну клянусь», а полной формулой! Мне серьезная клятва нужна, а не отговорка. После жабьей икры я тебе не доверяю.

А вот это была уже сущая наглость! Слишком сложные формулы имели магические клятвы, и слишком сурово ка-

рался клятвопреступник, чтобы подобными словами можно было разбрасываться из-за пустяков. И Йорген это прекрасно знал...

Или не знал?!

Глаза бакалавра нехорошо сверкнули из-под сведенных бровей, как у хищника, учуявшего поживу.

— Так-так! И какую же клятву ты хочешь от меня услышать, друг мой? — спросил он сладким голосом палача на допросе. — Уточни, пожалуйста, будь добр!

— Любую! — поспешно выпалил ланцтрегер, он уже понял, что загнал в угол самого себя. — Какая тебе больше нравится.

— Ладно, — усмехнулся наставник, — зайдем с другой стороны. Напомни-ка ты мне названия тридцати основных клятв, а я уж из них выберу. Ты ведь их учил к сегодняшнему экзамену, правда?

— Учил, а как же! — подтвердил Йорген с большим апломбом. — Но ты меня так расстроил икрой, что все мысли смешались. Однако, если ты настаиваешь... — Тут он сделал продолжительную паузу в робкой надежде, что Легивар вдруг проявит снисхождение типа «Нет-нет, не настаиваю вовсе, тебе показалось!».

— Настаиваю, настаиваю, — изуверски усмехнулся тот.

— Что ж, изволь. Клятва именем Первой Девы, клятва именем Второй Девы, клятва именем Третьей Девы...

— С Девами достаточно! — перебил бакалавр жестоко. — В том, что ты умеешь считать до девяти, я не сомневаюсь.

— А! Тогда клятва именем всех Дев Небесных...

— Оставь дев в покое, я сказал! Переходи к другой группе!

— Клятва на собственной крови, формула Адэнауэра, клятва надмогильная, формула Херц-Витгенросса, клятва на оружии, формула Тууллия... — забубнил студиозус довольно бодро, но очень скоро запнулся и перешел из обороны в наступление. — Слушай, ну что ты ко мне привязался с этими клятвами? Экзамен уже позади, балл выставлен, причем урезанный по твоей вине... К чему этот допрос?

— Ага! — вскричал Легивар с видом победителя. — А кто ругался, что я не мог про икру дома спросить? Вот я и спрашиваю тебя дома про клятвы! Может, на экзамене надо было?

— Не надо, — сдался ланцтрегер. — Лучше уж сейчас. Клятва честью, воинская, модификация... модификация... ах ты господи, ну как же его звали-то, паразита?! На «эф», точно помню, что на «эф»! Имя такое лошадиное, вроде твоего¹...

— Фон Хафер² его звали, — снисходительно усмехнулся маг. — Ладно, не мучайся. Обед стынет.

На обед был кислый каббес из свиных ребрышек, турнепс с эстрагоном и маковая коврижка — Лизхен расстаралась для своих любимых квартирантов. И сама, как заведено, села с ними за стол, было очень по-семейному. «И чего они никак не поженятся?» — подумалось Йоргену с досадой (сам он бежал от брака, как от хаальской язвы, но от окружающих почему-то ждал решительности и расторопности в матримониальном вопросе). Обильная еда вдруг вызвала тоску в душе, остро захотелось перемен в жизни. Учение — экзамены, учение — экзамены, теплая постель, вкусная пища, домашняя идиллия... Разве таков удел воина?

— Знаешь что, — выдал он, заставив бедного Легивара поперхнуться от неожиданности, — пожалуй, брошу я эту вашу академию ко всем шторбам, вот что. Последний экзамен сдам и сразу брошу!

— С чего вдруг? — откашлявшись, просипел маг. — Тебе же нравилось вроде бы, и папаша твой тебя благословил... Неужели из-за жабьей икры?

— Ах, ну при чем тут икра! — отмахнулся Йорген, досадуя, что его тонкие душевные переживания приятель свел к какой-то земноводной ерунде. — Просто не вижу смысла. Ну выучусь я, стану образованным магом, а дальше что? Кончилась Тьма, боевые маги больше не нужны. Чем заниматься-то?

¹ Настоящее имя Легивара Черного — Генрих Пфферд (от нем. Pferd — конь).

² От нем. Hafer — овес.

От таких слов Легивар Черный даже руками всплеснул по-бабьи, в манере своей любимой Лизхен.

— Ну и глуп же ты, милый мой! Неужели ты думаешь, что боевые маги востребованы лишь в темные времена?! По-твоему, десять лет назад их не существовало, так, что ли?

— Существовало их, существовало, — нарочно коверкая язык, признал ланцтрегер. — Но что делали они, чем добывали на жизнь — не представляю!

Тут он приврал, конечно. Все он прекрасно представлял, просто потянуло на полемику демагогического толка. А Легивар и рад был заглотить наживку, принялся растолковывать:

— Ну, во-первых, не забывай про войны. Агрессия у человека в крови. Если в наше время выход ей давала борьба с Тьмой и войны надолго прекратились, не надо думать, что так будет и впредь. Уж поверь, мир будет нарушен в самые ближайшие годы, и первым это сделает ваш же собственный король. Эренмарк неизбежно нападет на Гизельгеру...

— Не сделает, — перебив, возразил Йорген. — Не станет молодой король Видар на кого бы то ни было нападать. К добру ли, к худу ли это, но его жизненные интересы слишком далеки от государственных. Кроме балов, турниров и охоты на уток, для него вообще ничего не существует.

— Только на уток? — вставила слово Лизхен, дотеле в мужскую беседу не вникавшая. — Почему?

— Потому что всей остальной дичи он побаивается. По крайней мере, так говорят, — был ответ.

А Легивар продолжал развивать свою мысль:

— Не Видар, так кто-нибудь другой развяжет войну. Нифльхейм захочет отделиться от Эренмарка, Мораст двинется на север Хааллы, из-за Сенесс придет кто-нибудь уцелевший — не суть. Боевые маги не останутся без дела — вот что главное. Это печально, конечно, но такова наша жизнь. А потому хорошего мастера тайных боевых искусств с распростертыми объятиями примет любая корона. Тот же, чье сердце не лежит к военной службе, кто

предпочитает быть хозяином самому себе, сможет добыть на жизнь ведьмачеством, как в старые времена.

Тут Йорген насторожился. О ведьмаках ему доводилось слышать краем уха, и то, что оно, ухо это, уловило, доверия как-то не внушало, но вызывало интерес.

— Друг мой, ведь ты умен не по годам, так растолкуй мне, пожалуйста. Не могу понять. Говорят, ведьмаками называли тех колду... — Легивар грозно сверкнул глазами, и ланцтрегер поспешил исправиться, не дожидаясь, когда его стукнут ложкой. — Прости! Тех магов, что подряжались истреблять темных тварей по городам и весям. Это правда?

Бакалавр согласно кивнул.

— Но ведь до прихода большой Тьмы тварей было совсем мало, ведьмаков же... Да, судя по тому, что одна только наша академия выпускает полтора-два десятка мастеров в год, а есть и другие, не менее крупные школы, ведьмаков должно было иметься великое множество! Где же они находили столько добычи, чтобы дохода с нее хватало хотя бы на еду?

— Ну, во-первых, далеко не все выпускники вставали на стезю ведьмачества, хорошо, если два-три из каждого выпуска, а может, и того меньше. А потом не забывай, что расценки были совершенно иные.

— Какие? — живо заинтересовалась Лизхен. Как истинная уроженка Эдельмарка, она любила деньги и разговоры о них.

— Сейчас посмотрим, — обещал ее кавалер и удалился в свою комнату.

Вернулся он минутой спустя с потрепанной печатной книгой в руках. Заметил с неудовольствием:

— Ну сколь же дрянную бумагу выделывают Морастские мануфактуры! На глазах рассыпается! Так, где же оно было? Вот! Это, конечно, вымышленная повесть, но порядок величин, думаю, отражает, — заметил маг и зачитал нараспев: — «...И в землях фрисских, в окрестностях богатого города Лугра, истребил он ползучую гадину по имени гифта. Он бился отважно и получил за опасный труд свой из рук господина бургомистра серебряный талер с драконом в

унцию весом, а от благодарных горожан — обильную снедь и кувшин южного вина в дорогу...»

— Что?! — От возмущения Йорген заорал в голос, испугав бедняжку Лизхен. — Фрисский талер за гифту?! Они что, *рухнулись совсем?! С дуба рухнули?!* — Лексикон младшего отца оруженосца Бирке вновь пришелся благородному ланцтрегеру как нельзя кстати. — Да гифту даже сопливый новобранец способен взять, если не станет подходить с хвоста! И за такую безделицу — серебром?! Они бы еще придумали гольдгульденами за гримов расплачиваться!

— Что же ты кричишь? Потише! — урезонил его маг.

Но тот продолжал негодовать:

— Но как же мне не кричать? Ведь один фрисский талер равен пяти эренмаркским кронам! В одной только столице мы убивали каждую ночь по гифте, а то и больше. И если бы за каждую казна платила серебром, что бы от нее осталось, от казны?! А ведь кроме гифт есть еще шторбы, вервольфы, гайсты, да мало ли какая еще дрянь! По миру бы пошло королевство наше, Девами Небесными клянусь!

— Не богохульствуй! — одернул его старший товарищ. — Никто на вашу казну не покушается. Вообще не понимаю, почему это тебя так задевает...

— Потому и не понимаешь, что не привык жить нуждами гарнизона. А мне на довольствие всего личного состава выделялось по триста золотых крон в месяц, и как хочешь, так и выворачивайся. А уж про то, чтобы за каждую отдельную тварь платить, — и речи не шло! Безумие какое-то!.. Нет, я, конечно, помню времена, когда благородный металл ничего не стоил и за серебряную крону не купить было и сухой лепешки. Но это в самые худшие дни войны. А в мирное время, до прихода Тьмы, деньги были еще дороже, чем теперь! Откуда же такие цены? Эти твои ведьмаки — сущие кровопийцы, вот что я скажу. Хуже ростовщика Циффера наживаются на чужой беде. Хорошо, что они ныне не в чести. Не пойду в ведьмаки, хоть режь. У меня пока еще совесть есть.

Уж и не рад был Легивар, что затеял этот разговор. Каким-то странным, неожиданным боком он обернулся. От-

важных ведьмаков прошлого, героев, достойных песен и легенд, кумиров всех юных магов, Йорген фон Раух ухитрился выставить едва ли не грабителями с большой дороги. Вот она — темная нифлунгская порода: что угодно наизнанку вывернут!

ГЛАВА 2,
в которой Йорген отправляется в пивную,
но оказывается в личных апартаментах
господина ректора, а потом пишет письмо родным

Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?

А. С. Пушкин

Итак, в ведьмаки Йорген идти отказался. А в пивное заведение вечером пошел. Но не потому, что захотел выпить, а потому, что обещал встретиться с приятелями и отметить конец семестра.

Академия была не единственным учебным заведением богатой и процветающей Реонны. Имелся здесь и свой университет, в коем молодые люди Эдельмарка, соседней Фриссы и многих других земель изучали тривиум, квадривиум, юриспруденцию, медицинскую магию и богословие.

О, это был совсем иной народ, он не имел ничего общего с мрачными и суровыми личностями, постигавшими тайные науки в академических стенах. Школяры университета, даже те из них, что изучали богословие и метили в хейлиги, были парнями лихими и бесшабашными, дуэлянтами, повесами, гуляками и развратниками. Это об их разгульной и веселой жизни ходили байки в народе, и они делали все возможное, чтобы оправдать свою сомнительную репутацию. Они дрались меж собой и с горожанами. Они устраивали пирушки и упивались до положения риз. Они попрошайничали на улицах, но не смиренно, как подобает нищим, а распевая охальные песни. Они нарочно ходили к блудницам, ели рыбу и пили пиво в третий, постный, день

недели, когда по закону божьему полагалось отказываться ото всех плотских утех. Они устраивали «праздники дураков»: рядились ночными чудовищами, толстыми бабами, динстами-евнухами и даже самими Девами Небесными и в таком непотребном виде толпой бегали по городу. Они сквернословили в храмах и приводили туда свиней либо ослов. Они творили еще много разных безобразий, мы не станем все называть, слишком длинным вышел бы перечень и увел бы нас от основного сюжета.

Беспокойный нрав школяров доставлял немало хлопот реоннским властям и простым обывателям. Но Йорген фон Раух с некоторыми из них сошелся (к великому неудовольствию Легивара Черного). Не то чтобы близко — так, приятельствовал. И не то чтобы сразу, а после того лишь, как сломал пару чужих носов, вывихнул несколько чужих челюстей и чуть не выбил чужой глаз (на самом деле он этого не хотел, они сами стали задираться, смеялись над его магическим хвостом). Но после короткой драки насмешники прониклись к нему уважением и, вопреки обыкновению, приняли в свою компанию.

Обычно же университетские школяры и студиозусы-маги друг друга не жаловали. Вражда эта (причины которой никто уже не помнил), по слухам, длилась не первую сотню лет, войдя в традицию и перерастая порой в настоящую войну. Побоища случались по ночам прямо на городских улицах. Число учеников академии даже в самые лучшие времена едва превышало полусотню, но на их стороне была магическая сила и боевая выучка. Школяры брали количеством — их-то насчитывалось раз в десять больше. В воздухе летали огненные шары, булыжники из развороченной мостовой, звенел металл, звенели выбитые окна, и кровь лилась из ран, обещавших превратиться со временем в эффектные шрамы, свидетельствующие о доблести их обладателей. В общем, молодежь развлекалась, а бедные реоннцы страдали.

Так было в прошлом. Тьма заставила утихнуть даже самых отчаянных забияк, и ночные уличные баталии были забыты на десятилетие. Обе стороны уже поговаривали о возрождении старой доброй традиции, но до дела пока не

доходило, хотя отношения стараниями задиристых и острых на слово школяров накалялись с каждым годом. Вот почему общение с ними однокашники тоже ставили Йоргену в вину. Но он, как всегда, «плевал с высокой башни».

Хотя упреки Легивара ланцтрегера огорчали. Заметим, что тот осуждал друга вовсе не с позиций академического патриота, он считал себя выше «этих детских забав». Но дурная компания способна повредить даже самому зрелому и морально устойчивому человеку, а Йоргена он к такому почему-то не причислял.

— Да не переживай ты за меня, я сам кому хочешь наврежу, — убеждал мага ланцтрегер.

— Уж в этом я не сомневаюсь, — ядовито ухмылялся Легивар. — Беда в том, что вред может быть взаимным.

Вот почему о цели своей вечерней прогулки Йорген Легивару сообщать не стал: зачем лишний раз огорчать того, кто по одному ему ведомой причине вообразил себя ответственным за благополучие твоей персоны? Лизхен он тоже ничего не сказал — она не догадается промолчать. Если честно, его и самого не очень-то влекло в шумную компанию — настроение с самого утра оставалось скверным. Беда в том, что выпивка предполагалась за счет эренмаркской казны, и Йорген не желал, чтобы его обвинили в скупости: обещал, дескать, угостить друзей-приятелей, а сам не явился. Пришлось идти.

Реонна была городом большим, богатым и довольно типичным для западных земель. Старинный замок с островерхими башнями, неприступными стенами и обезглавленными гайстами, громяющими цепями по гулким каменным коридорам. Современные общественные здания в немного помпезном силонийском стиле, силонийскими же зодчими возведенные — а что, пусть все видят: можем себе позволить! Двух- и трехэтажные фахверковые особняки местной знати и богатых торговцев. Ремесленные кварталы с душными узкими улочками и рядами одинаковых домов: тут все должны быть равны, тут выделяться не положено по строгим цеховым правилам. Бедные, но на

редкость опрятные городские окраины — кое-где даже мостовая уложена за счет казны, крошечные домишки выкрашены в приятный для глаз цвет, сточные канавы прорыты, и помои из окон никто не выливает — уже три года как запрещено особым указом. Ну и конечно же храмы, чтобы добрые люди молились своим богам.

Храмов в Реонне насчитывалось целых пять — не каждая столица может похвастаться такой богатой духовной жизнью! Правда, два из них были, строго говоря, не храмы, а капища старым, заслуженным богам: северному Одину, зачем-то именуемому здесь Воданом (Йорген бы, к примеру, обиделся, если бы его имя каждый стал проверять на свой лад), и сугубо местному Нахтхирту, которому поклонялись только в Эдельмарке и нигде больше — может быть, его и не существовало вовсе. Йорген это очень подозревал с того самого дня, как принес ему в жертву целый говяжий окорок и бочонок темного пива, но коллоквиум все равно провалил. Потом он очень ругал себя: зачем было связываться с каким-то сомнительным типом, вместо того чтобы обратиться за помощью к Девам Небесным, как подобает любому праведному человеку? Его смутило то, что владычицы дивного Регендала, по слухам, не слишком-то жаловали колдовство, пусть даже красиво нареченное «магией». Нахтхирт вроде бы, наоборот, колдунам покровительствовал, это и решило вопрос в его пользу. Увы, решение оказалось ошибочным, и Йорген Ночного Пастуха уважать перестал. Но и к Девам Небесным так ни разу и не взглянул, хотя каждый день по пути в академию проходил мимо самого большого из их храмов. Просто привычки такой — молиться — не имел. Издержки северного воспитания, что поделаешь.

По рассказам местных жителей, храм упомянутый был не только велик, но и необыкновенно красив: стены его изнутри и снаружи покрывала искусная роспись, по карнизам шла затейливая лепнина, и сусального золота тоже было много — не поскупилась на жертвоприношения торговая гильдия. Однако Йоргену все это великолепие увидеть не пришлось: уже второй год здание стояло в густой паутине лесов, отнюдь его не красивших. Какую-то реконструк-

цию затеял новый хейлиг, присланный взамен прежнего, служившего здесь не один десяток лет, но выжившего из ума от старости. В здравии ума его преемнику злые языки тоже отказали, уж больно много пожертвований тот стал требовать с прихожан и порядки какие-то странные завел... Так было поначалу, однако со временем к нему привыкли, прониклись уважением и вроде бы даже полюбили. Во всяком случае, ехидный шепот за спиной прекратился совершенно. Все это Йорген постепенно узнавал от набожной Лизхен, хотя вопрос отнюдь не занимал ни его, ни Легивара Черного. Просто молодая вдова очень любила поболтать, но говорить умела лишь о самых простых вещах, составлявших ее скромную и незатейливую жизнь.

...Питейное заведение, в которое направлялся Йорген в тот вечерний час, располагалось на полпути к академии, как раз недалеко от храма, за поворотом. Оно носило чудное название «У старого гуся», так было написано над дверями. Для тех же горожан, что не владели грамотой, а также для заезжих иноземцев с красивого кованого крюка свисала плоская черная фигурка гуся, держащего в одном крыле пивную кружку. А чтобы ни у кого не возникло сомнений, что гусь именно старый, другим крылом он опирался на клюку.

На сильном ветру вывеска раскачивалась, цепи истошно скрипели, и казалось, будто сам гусь противно орет дребезжащим старческим голосом.

Но в тот вечер ветра не было совершенно, и назавтра штиль обещал сохраниться: скучным и блеклым был закат, разлившийся по небу, не было в нем тех зловещих, но притягательно-красивых багровых тонов, что предвещают бурную погоду.

...И вот, изучая состояние небес (потому что маршрут был знаком до мелочей, и больше изучать было решительно нечего), Йорген случайно опустил взгляд ниже — и то, что он увидел, заставило его резко остановиться, замереть как вкопанный прямо посреди улицы. Какой-то прохожий налетел на него со спины, пробурчал что-то нелицеприят-

ное об ослах, но Йорген даже не подумал огрызнуться, ему было совсем не до того.

На храме Дев Небесных, возвышавшемся над городом на фоне тускло-рыжего неба, больше не было лесов! Обновленный и преображенный, он предстал наконец миру во всей красе... Хотя нет, о красе теперь речи не шло. Наружной росписи стен Йорген так и не увидел. Возможно, и была она когда-то искусной, но теперь ее скрывал толстый, уже местами потрескавшийся слой белил. Лепнина тоже была старательно сбита, и позолота исчезла, а вместо покато́й шатровой крыши появился высоченный шпиль. Но это было не главное.

Кованая винтовая лестница шириной эля в полтора-два серпантином вилась по стенам храма и забиралась на самый шпиль.

Человеку в двадцать лет несвойственно задумываться о том, где именно расположены у него сердце, душа и прочие полезные органы. Но в тот миг Йорген очень ясно почувствовал, как все его нутро сорвалось со своих мест и ухнуло в пятки. В памяти живо всплыли воспоминания недавнего прошлого: гадкий и грязный фрисский городок, на площади — огромный храм, обвитый точно такой же лестницей, устремленной в небо, к священным высям Регендала... И темное подземелье, и голос, тихий и печальный, бесконечно сожалеющий о судьбе пленников. «Мы не можем поступить иначе. Зло многолико и коварно. Рубить его надо под корень, без колебаний и сомнений. По первому подозрению — истреблять! И мы, верные рабы Дев Небесных, взяли на себя сию нелегкую задачу. Все, что идет в мир из Хольгарда, должно уничтожаться безжалостно, таков путь спасения, и другого не дано! Огонь, огонь! Наше спасение — в огне!» Тогда им троим удалось вырваться из плена, они избежали участи десятков колдунов, знахарок и повитух, сожженных на кострах в базарный день во имя Дев Небесных... Неужели эта лупцская зараза успела за какой-то год преодолеть границы Фриссы и распозлтиться по миру?!

Стало тревожно до жути. Захотелось куда-то бежать, что-то предпринять.

Но приятели в «Старом гусе» ждали дармового пива, пришлось тащиться туда и целый час изображать веселье. А потом он все-таки улизнул под шумок, уплатив вперед за вторую бочку самого крепкого пойла. К этому моменту школяры уже упились и дурными голосами горланили разудалые вагантские песни, ничего не видя вокруг себя, так что побег его остался незамеченным.

Оставив беспокойную компанию резвиться дальше, ланцтрегер направился напрямиком в академию. Несмотря на поздний час, Легивара Черного он рассчитывал застать именно там, и не ошибся. Колдовство... ах, простите, магия любит темноту, поэтому двери их альма-матер не запирались ни днем ни ночью, и после полуночи в гулких академических коридорах порой бывало не менеелюдно, чем в утренние часы.

Друга он нашел в библиотеке, тот сидел за преподавательским столом и клевал носом над закрытой черной книгой.

— Не открывается, зараза! — посетовал маг, подняв на Йоргена сонные глаза. — Похоже, полуночи ждать придется... — Тут он окончательно пробудился и встревожился. — А ты-то зачем здесь?! Случилось что?!

— Вот именно! Случилось! — трагически подтвердил ланцтрегер и поведал, как обстоят нынче дела с праведной верой в славной Реонне.

— Похоже, это какая-то зловредная ересь, — помрачнел бакалавр. — Надо немедленно поставить в известность ректорат, не хватало, чтобы в Эдельмарке вошло в моду аутодафе!.. Кстати, а что за причина привела тебя к храму в этот час? Опять ходил в кабак, к своим университетским недоумкам? Воля твоя, конечно, но я, как старый боевой товарищ, такого поведения одобрить не могу, так и знай...

— Да знаю, знаю, — отмахнулся ланцтрегер, досадуя, что попался. — Идем уже к начальству. А то пока мы тут будем рассуждать о морали, нас начнут палить на площадях!

Господин ректор по вечернему времени встретил визитеров на пороге своих жилых апартаментов, как был в шлафроке лилового бархата, искусно расшитом дракона-

ми, и странных остроносых пантофлях, привезенных из дальних восточных земель. На его не по возрасту густых и черных, с благородной проседью волосах красовалась плетеная сеточка с мелкими жемчужинами в местах перекрещивания нитей, и Йорген чуть не фыркнул бестактно. Он привык считать, что подобные штуки носят только дамы, а оказалось, и ректоры тоже. Право, как чудно устроен этот мир!

Ректор был не один, в гостях у него в богато обставленной, полной забавных безделушек комнате, вокруг неудобно низкого восточного столика, накрытого на пять персон и увенчанного пузатой бутылью, сидели три профессора с темными бокалами в руках; одеты они были тоже по-домашнему. «Вечеринка в узком кругу. Почти весь ученый совет в сборе, — отметил про себя Легивар. — Удачно зашли».

— Итак, чем обязан вашему визиту, молодые... гм... — Ректор окинул Йоргена скептическим взглядом, но все-таки не отказал ему в праве считаться человеком, несмотря на явные признаки чужой крови, — ...молодые люди?

Говорил Легивар на правах младшего коллеги. Студиозус фон Раух скромно помалкивал, только кивал головой в соответствующих местах. Собственно, его вмешательства и не требовалось: бакалавр изложил все очень толково, будто сам был свидетелем тех событий. Поведал и про то, как в прошлом году во фрисском городишке Лупц были вероломно захвачены в плен двое мирных путников, обратившихся в необычный, обвитый наружной лестницей храм за помощью, и про то, как тамошние хейлиги обманом заманили в город юную гизельгерскую ведьму Гедвиг Нахтигаль, посулив ей место повитухи, но вместо обещанной работы обрекли на публичное сожжение за колдовство. Рассказал о странной ереси, предписывающей искоренять всяческую магию именем Дев Небесных, и о том, что ересь эта пошла гулять по миру, неся угрозу всем мастерам тайных дел. И вывод сделал: надо все силы устремить на то, чтобы положить конец этому вредному явлению, пока оно не принесло больших бед...

Ему внимали очень сосредоточенно, с интересом и вроде бы даже благосклонно. Однако лица у профессоров оставались безмятежны, ни тени тревоги или хотя бы озаченности не было на них.

— Что ж, — выслушав молодого коллегу, снисходительно молвил господин ректор, — история, поведанная тобой, весьма занята и действительно заслуживает нашего внимания. Я доволен, что вы пришли к нам с ней, люди нашего круга должны знать обо всем, что творится в этом мире. Однако лично я склонен полагать и уверен, что коллеги меня поддержат... — (Коллеги дружно закивали, еще не зная, что именно они должны «поддержать»). — Да, я считаю, что ваше волнение неоправданно. У хейлигов есть молитва, но настоящей Силы нет. Они способны лишь вызывать к тем, кого никто никогда не видел и чье реальное бытие отнюдь не доказано. Что они могут противопоставить нам, постигшим природу вещей, проникшим в сокровенные тайны мироздания и овладевшим теми знаниями, что недоступны простому смертному, даже если таковой облачен в рясу и мнит себя важной персоной?

— В Лупце они истребили всех ко... магов поголовно, — тихо напомнил Йорген.

Ректор с досадой отмахнулся:

— Ах, боже мой, ну какие маги могут быть в Лупце? В этом жалком городишке на краю просвещенного мира? Ярмарочные колдуны, лекари-коновалы да ведьмы-недочулки... Из них половина наверняка обыкновенные фокусники да шарлатаны! Вольно же еретикам воевать со всяким сбродом, компрометирующим гордое звание истинного мага! Пожалуй, нам даже на руку придется их деятельность. Контроль с нашей стороны, разумеется, должен быть, на днях я сделаю соответствующие распоряжения, но повторяю: поводов для беспокойства нет. Можете быть свободны, юноши. Я доволен вами.

«Юноши» задом, задом покинули помещение. Они-то довольны не были! Уж на что Легивар Черный благоговел перед академическим начальством, даже он чувствовал раздражение. Йорген — тот и вовсе кипел от ярости, зрачки его желтых глаз сделались большими, а кончики ушей

стали вздрагивать нервно; в нем было очень мало от человека в тот момент, темная нифлунгская природа проявилась во всей красе. А все потому, что никто не смеет, вольно или невольно, включать в число недоучек и шарлатанов ведьму Гедвиг Нахтигаль!

— Зачем ты меня остановил?! — шипел он на спутника. — Зачем не дал сказать, что я о них думаю?!

Да, остановил... болезненным тычком в спину, в тот самый миг, когда понял, что ланцтрегер сейчас не сдержится и наговорит лишнего. А что было делать? Йоргену его магическая карьера недорога, он рискнет ею не задумываясь. А про Черного Легивара потом скажут, что они были вместе, на его будущем конфликт с господином ректором вряд ли отразится благотворно.

— Успокойся, не бесись, — увещевал он примиряюще. — Положа руку на сердце, возможно, они даже в чем-то и правы, возможно, мы поторопились поднимать тревогу...

— Они правы?! — вскричал ланцтрегер запальчиво. — Это в чем же?! В том, что надо позволить свихнувшимся хейлигам истреблять огнем несчастных людей, виноватых только в том, что их колдовское мастерство не достигло тех вершин, каковые заслужили бы уважение у этого лилового индюка в бабьей сеточке?!

Легивар Черный поморщился. Все-таки не стоило Йоргену отзываться о господине ректоре в выражениях столь резких, это признак дурного тона.

— Нет, я совсем не это имел в виду и негодование твое полностью разделяю. Но не исключено, что мы в самом деле переоценили опасность этой ереси для магического общества. Все-таки Сила на нашей стороне...

— Ха! — сказал на это Йорген фон Раух, не студиозус-первогодок, а ланцтрегер Эрцхольм, начальник Ночной стражи Эренмаркского королевства, у него даже голос стал другим, все юношеское волнение пропало, остался холодный лязг металла. — Где была эта ваша Сила, когда на мир перла Тьма?! Что же не остановили ее твои ученые коллеги, постигшие природу вещей и проникшие куда-то там? Молчишь? А я тебе скажу! Всей вашей премудрости

хватало лишь на то, чтобы защиту навести, обезопасить собственную персону от порождений мрака, не попасться на зуб голодной твари — и только. Зато хейлигам, у которых есть только молитва и ничего больше, защита была не нужна. За все годы Тьмы не было случая, чтобы хоть какая-то из тварей посмела переступить порог храма или черту капища! Так что богов и служителей их не стоит списывать со счетов, и лично я склонен полагать, что опасность осталась недооцененной.

Бакалавр невольно попятился. Таким милого юношу Йоргена он видел, пожалуй, впервые. Хорошо, что преобразование это приключилось уже на улице, а не в покоях ректора, а то мало ли...

— Ну что тебе на это сказать... — неуверенно пробормотал он. — Мы с тобой сделали все, что могли, руководство оповестили. Если оно не пожелало нас понять — это уже не наша беда. В случае чего пусть пеняют на себя.

— Не все, — возразил Йорген, возвращаясь к своему нормальному облику. — Если эти идиоты-колдуны действовать не желают, надо поставить в известность городские власти, пусть знают, какая дрянь завелась на их земле. Завтра утром схожу в ратушу.

Сходил. И что же? Да было то же самое! Выслушали благосклонно, поблагодарили. «Не извольте беспокоиться, благородный господин, публичные сожжения в нашем королевстве запрещены уж тому двести лет как эдиктом его величества Ульриха Пятого, и отменять его ради удовольствия приезжего хейлига никто не станет. Я лично такого разрешения ни за что не выдам».

— А если не станут они разрешения спрашивать? — усмехнулся Йорген устало.

Бургомистр, сытенский, кругленький дядечка средних лет, округлил глаза:

— Но это же совершенно невозможно! Мы очень строго следим, чтобы в городе не было пожаров! Даже для того, чтобы простой костерок во дворе развести, мусор пожечь — и то требуется дозволение цехового либо квартального старшины. А целого человека спалить — это какой же

надо кострище раздуть! Нет, никак невозможно без разрешения, письменного и с печатью!

— Тьфу! — сказал Йорген на это и ушел домой писать письмо.

«Приветствую тебя, любезный мой брат Дитмар фон Раух, лагенар Нидерталь, — гласило оно. — Во первых строках сего письма спешу сообщить, что, несмотря на тяготы тайного учения, остаюсь в здравии телесном и душевном, чего желаю и тебе. Сообщаю также, что всех денег, полученных от нашего почтенного отца, издержать пока не успел, а потому передай ему при случае, чтобы новых не посылал, а лучше пусть закажет на них у ювелира эмалевый медальон в виде овцы, величиной с полладони, с инкрустированными сапфиром глазками и золотыми копытцами. Я видел такой у нашего ректора и заказал бы сам, да ювелиры в Реонне, говорят, недостаточно искусны. Хотя нет, лучше поступить иначе. Возьми у отца причитающуюся мне сумму, якобы для передачи с okazji, а заказ сделай сам, ибо отец, как тебе известно, увлечения моего не одобряет и будет сердит. Рисунок для ювелира прилагаю.

Теперь о главном. Не подумай, брат мой, что чужбина и тайная наука сделали меня нечестивцем, позабывшим законы божеские и возжаждавшим крови, но поступи так, как я прошу, от этого зависит жизнь многих людей. Ежели доведется тебе увидеть в наших землях храм Дев Небесных, но не простой, а обвитый снизу доверху наружной лестницей — вели сжечь его или разметать до основания, буде он выстроен из камня. Всех хейлигов и динстов его пусть гонят палками до самых границ королевства, а еще лучше — в темницу их, на хлеб и воду, чтобы неповадно было учить народ вредной ереси. Прихожане же его пусть отработают по месяцу на постройке дорог или очистке сточных канав, чтобы поветрилась дурь из их несчастных голов. И отцу нашему передай, пусть поступает так же.

На том прощаюсь и посылаю привет старшему разводящему Картену Кнуту, а также дорогим нашим родителям, ландлагенару Норвальду и леди Айлели, и брату Фруте фон

Рауху, богентрегеру Райтвису на чердаке, если вдруг случится тебе их в скором времени увидеть.

*Любящий и преданный брат твой,
Й. фон Р., ланцтрегер Эрихольм*

P.S. Да, чуть не забыл! Уточни, пожалуйста, есть ли в Эренмарке закон или указ, запрещающий аутодафе. Если вдруг нет — повлияй как-нибудь на его величество молодого короля Видара, пусть подпишет немедленно».

Письмо ушло с гонцом в тот же день, и Йорген почувствовал душевное облегчение: его долг перед обществом выполнен, можно жить спокойно.

ГЛАВА 3,

в которой в Реонну прибывает Кальпурций Тиилл, очень обеспокоенный предстоящей войной с облачными зверьками и коровами, а белошвейка Лизхен предстает перед нами закоренелой грешницей

Приятный сюрприз ждал Йоргена сразу после заключительного экзамена, сданного, к слову, самым наилучшим образом. Еще бы он его не сдал! Экзамен был ночным, по боевой магии. Практику боевого искусства первогодкам еще не преподавали, ограничивались теорией. А тут вдруг решили выявить, на что они годны в ситуации критической и неожиданной. Так сказать, испытание первым боем.

Испытали, смешно сказать! Одно-единственного плотоядного гайста натравили на самого начальника Королевской Ночной стражи, северянина, выросшего в боях с порождениями Тьмы! Велели явиться в академию к двум часам пополуночи, а сами по дороге выпустили на него тварь, вселившуюся в крупного угольно-черного барана. Зверь хищно рычал, рыл копытом мостовую, сверкал огненными глазами и делал выпады в сторону своей «добычи», клацая желтыми зубами. Ну Йорген его и угробил походя, машинально. Удивился еще, почему такой вялой и нерасторопной оказалась тварь. Обычно на полное ист-

ребление хорошего голодного духа приходится затрачивать немало усилий, это работа не для новичка. Сначала нужно гайста распознать (что тоже не всегда просто, поди-ка угадай без специальной подготовки, злой дух тебя атакует или просто взбесившееся животное), убить вмещающее тело (экзорцизмом в уличном бою заниматься некогда), потом нематериальную субстанцию обездвигнуть и локализовать в пространстве заклинанием Трех Ветвей и, наконец, добить окончательно путем иссечения серебряным клинком.

На этот раз все было проще. Тварь позволила обездвигнуть себя прямо в теле хозяина — мечта экзорциста (просто не хотелось убивать чужую собственность — доказывая потом хозяевам, что злой дух был, а не воровство). Ланцтрегер ее спокойненько изгнал и иссек. Свободный от одержимости баран тут же утратил весь свой зловещий колорит и превратился в обычную неухоженную скотину с прошлогодними колючками в зад. Сказал «бе-э-э!», потрянул башкой и лениво убрел в подворотню. «Ну вот, ушла Тьма, и гайсты измельчали», — едва ли не с сожалением подумал Йорген в тот момент. Ему и в голову не пришло, что гайст этот был подставной, специально ослабленный, чтобы не покалечил до смерти будущих героических ведьмаков и гарнизонных магов.

Между прочим, все остальные экзаменующиеся сразу догадались, что к чему, и, одержав нелегкую победу в первом своем бою, оставались у тел поверженных врагов до тех пор, пока из своего тайного укрытия не объявлялся один из экзаменаторов. Один только Йорген явился, куда велено было, и долго гадал, куда все подевались, когда наконец начнется экзамен, и переживал, уж не перепутал ли он чего.

Домой вернулся ближе к утру, раздосадованный и сонный, и вдруг обнаружил, что на постели его, неизвестно откуда объявившись, растянулся дорогой друг и венный боевой товарищ Кальпурций, сын аквинарского судии!

— Тиилл?! Ты ли это?! — Ланцтрегер потрянул головой, отгоняя наваждение. На мгновение мелькнула мысль: неужели это продолжение экзамена и на него наслали морок?

Но силюнец вскочил и заключил его в мощные объятия, не оставляющие ни малейшего сомнения в телесной природе гостя.

— Йорген! Друг мой! Как я рад тебя видеть!

— Ага! — счастливо выдохнул тот, потому что чувства переполняли душу, а выразить их словесно он не очень умел.

Расспросы пришлось отложить до утра, гость отчаянно устал с дальней дороги, да и Йорген не чувствовал себя бодрым после ночных волнений. Силюнец остался на кровати, для себя же ланцтрегер раскатал на полу кошму.

— А то давай наоборот, как в старые добрые времена, — предложил Кальпурций. — Ведь в твоём доме лучшее место для гостя — это подстилка на полу!

Оба рассмеялись, вспомнив старую историю. Это было в те дни, когда Кальпурций Тиилл был рабом Йоргена фон Рауха, купленным случайно за двадцать крон серебром. В столицу неожиданно явился отец Йоргена, ландлагенар Норвальд, и, застав в комнате незнакомого парня, растянувшегося с книгой на полу, принялся бранить сына, почему его слуги бездельничают среди бела дня. Но, к большому удивлению новоприобретенного раба, хозяин вдруг объявил его своим старым другом, вызвав тем самым у родителя новый взрыв недовольства: почему невежда-сын позволяет себе держать дорогих гостей не на самом лучшем месте в доме, а на собачьей подстилке? Разве такому его учили в детстве? «Это и есть самое лучшее место, у печи», — заявил в ответ Йорген и сослался на особую любовь уроженцев благодатной Силюнии к теплу. — Вы, папаша, ничего не смыслите в обычаях и нравах южных народов, только гостей моих смущаете зря!» Сложные отношения между отцом и сыном произвели тогда большое впечатление на Кальпурция, привыкшего почитать собственного родителя как бога, но по прошествии времени эпизод стал казаться забавным.

К слову, на «лучшем месте в доме» Йорген тоже не задержался. Скоро ему показалось жестко — вот оно, разлагающее влияние мирной жизни! — и он перебрался в ком-

нату соседа, продолжавшего свои ночные бдения над черной книгой. «Чего зря месту пустовать? Придет — сгонит». Но вернувшийся на рассвете маг Легивар спящего Йоргена сгонять не стал, наоборот, прикрыл одеялом, а сам отправился под крыло к веселой вдовушке Лизхен. Так они и проспали до полудня.

— Что же привело тебя в наши края, друг мой? — принялся расспрашивать Йорген, не дождавшись, пока Кальпурций управится с завтраком. Любопытство одолевало его, и он не мог больше терпеть.

— Сейчас покажу, — обещал силюнец, отправляя в рот последний кусок горячего, только из печи, сырного пирога с луком, проворно приготовленного Лизхен. Пирог был бесподобным, и куски его исчезали с блюда с быстротой, способной порадовать сердце всякой хозяйки. — Вот смотрите! — Он извлек из дорожного мешка изящный кожаный, с тиснением тубус. Открыл, вытряхнул некий свиток, развернул... — Узнаете?!

Йорген фон Раух и Легивар Черный переглянулись, и на лицах их отразилось смятение. Эту вещь они узнали бы из тысячи! Это была карта. ТА САМАЯ!

Старинная, точнее, очень хорошая копия со старинной — без розы ветров, грифонов и прочих подобающих украшений, без специальных символов, подписей и условных линий. Панорама, изображающая весь Континент — от диких скал на западе до неизведанных земель на востоке... Они уже имели с ней дело. Именно такая карта в прошлом году вела их во Тьму.

Такая, да не точно. На той, прежней, правая половина, изображавшая вольтурнейскую часть материка, была затонирована раза в два интенсивнее левой, фавонийской, — казалось, что на ней постоянно лежит тень. Так была обозначена Тьма.

Здесь же все было немного иначе. Восточная часть по-прежнему оставалась более темной. Но на этот раз именно она была выполнена обычным тоном. Краски западной половины были заметно светлее, но выглядели они не выцветшими, а... как бы точнее определить? *Сияющими*, будто освещенными прямым лучом солнца.

— Гедвиг попросила показать ту книгу, — с волнением рассказывал Кальпурций. — Профессиональный интерес пробудился, все-таки ведьма она, хоть и повитуха... Я не стал в руки давать, побоялся, памятуя, как бедного Йоргена в тот раз шарахнуло. Листал сам, она смотрела. Почти до самого конца дошли — и вдруг увидели новую страницу! Вот эту! Жизнью и честью готов клясться — ее тут раньше не было!

— Силонийская клятва жизнью и честью, первая формула Люцилла, модификация Аквануса, — нервно пробормотал Йорген.

— Ты о чем?! — Кальпурций взглянул на друга удивленно.

— А, это я так, не обращай внимания, — смутился тот.

— Заучился он у нас совсем, — пояснил маг и потер переносицу, этот жест означал у него крайнюю степень озадаченности. — Что-то я не совсем понимаю. На прошлой карте, той, что мы руководствовались в пути, была обозначена Тьма, так?

— Именно, — подтвердил Кальпурций со значением.

— А на этой тогда что?

— Свет? — неуверенно предположил Йорген, ему показалось, что он сказал глупость.

— Свет! — энергично кивнул Кальпурций.

— Свет, — согласился Легивар. — Пожалуй. А зачем? Что это может значить?.. Вы думаете... Думаете, это не к добру?

— Вроде бы свет всегда ассоциировался с добрым началом... — В голосе ланцтрегера звучало сомнение, его собственные нечеловеческие глаза плоховато переносили яркое солнце, поэтому он всеобщей любви к ясной погоде не разделял, предпочитая сумерки и тень.

— Мы думали об этом с Гедвиг, — кивнул Кальпурций. — И смотрите, что получается. Тьма, которую мы с вами изгнали в прошлом году, грозила превратить наш мир в загробный, сделать из него вместилище для нечестивых душ, некое продолжение мрачного Хольгарда, в котором, судя по всему, оставалось недостаточно места, чтобы принимать новых грешников. Так?

— Примерно так, — кивнул Легивар Черный, — хотя кое с чем можно поспорить, ты судишь слишком материальными категориями... Ну ладно, примем как модель. Что дальше?

— А дальше нам с Гедвиг подумалось вдруг... Ведь, кроме грешников, есть еще и праведники. Их тоже надо где-то размещать, дивный Регендал — он тоже не из сцийского каучука сделан...

— О! Я все понял! — обрадовался скорый на выводы Йорген. — Тьма была испытанием, в ходе которого мы должны были доказать, что наш мир достоин принадлежать живым, что он для грешников недостаточно плох. Некие тайные силы поставили перед нами... как там альв говорил? Морально-этическую проблему они поставили, мы ее решили...

— Ты ее решил, — поправил справедливый силюнец. — Мы-то как раз неправильно себя вели, только мешали тебе.

— Ах, да какая разница? — отмахнулся Йорген. — Один бы я вообще не пошел ее решать. Вот ты меня с мысли сбил!

— Доказали мы, что мир наш не совсем плох, — подсказал Легивар нетерпеливо, уж он-то свою роль в деле избавления от Тьмы был вовсе не склонен преуменьшать.

— Верно! Значит, теперь надо доказать обратное. Что мир наш недостаточно хорош для праведников, и в дивный Регендал его превращать рановато.

— И каким образом ты это будешь делать? — хмыкнул маг.

Йорген смутился.

— Ну я пока не знаю... Может быть, надо заняться разбоем и грабежом... Или пойти добить Фруте, типа брат все-таки поднял руку на брата... Только на это не рассчитывайте! Этого я делать не стану...

— Никто тебя и не заставляет, уймись, — велел Легивар строго, и Йорген, к удивлению гостя, не огрызнулся ехидно, как в былые времена, а послушался и умолк.

«Ах да, они же теперь ученик и учитель! — сказал себе Кальпурций. — Забавно!»

ПРИЛОЖЕНИЕ

Дворянские титулы королевства Эренмарк (иерархия)

Лагенары (от *нем.* Lage — положение, состояние) — высшие дворянские титулы, обращение «ваша светлость»:

махтлагенар (от *нем.* Macht — власть) — титул представителя королевской семьи, королевского наместника;

ландлагенар (от *нем.* Land — край, земля) — титул правителя крупной провинции — ландлага;

лагенар — «титул учтивости» старшего сына либо назначенного наследника махтлагенара, по сути, соответствует шверттрегеру. (Дитмар носит титул лагенара, поскольку является единственным наследником махтлагенара фон Кройцера, деда по материнской линии.)

Трегеры (от *нем.* tragen — носить) — средние дворянские титулы обладателей земельных владений в составе ландлага, обращение «ваша милость»:

шверттрегер (от *нем.* Schwert — копьё) — титул старшего сына ландлагенара;

ланцтрегер (от *нем.* Lanze — копьё) — титул второго сына ландлагенара;

богентрегер (от *нем.* Bogen — лук) — титул третьего и последующих сыновей ландлагенара, старшего сына шверттрегера, ланцтрегера;

мессертрегер (от *нем.* Messer — нож) — титул младших сыновей шверттрегера, ланцтрегера. Земельных владений мессертрегеры могут не иметь.

Кригеры (от *нем.* Kriger — воин): низшие дворянские титулы, обращение «мой господин». Земельными владениями кригеры не наделены:

альткригер (от *нем.* alter — старший) — наследуемый титул;

кригер — ненаследуемый титул, дается за боевые заслуги.

Бестиарий

Айнхорн — светлая тварь, якобы обитающая в дивном Регендале. В богословских книгах описывается как крупное копытное с единственным витым рогом во лбу. В них же указано, что поймать айнхорна можно с помощью невинной девы и шелковой ленты, но о том, зачем нужно его ловить, упоминаний нет.

Варсел — темная тварь, рожденная из души утопленника, выброшенного волнами на берег и не погребенного вовремя. Прежде их было не так много, но в темные времена они сильно расплодились. Варселы могут нападать на смертных, но чаще лишь пугают и беспокоят, требуя, чтобы те похоронили их с честью на храмовой земле.

Вервольф — темная тварь, днем схожая с человеком, ночью принимающая звериный облик. Убивают их серебром, предпочтительно стрелой с серебряным наконечником. Вервольфы были до прихода большой Тьмы и с уходом ее никуда не делись.

Волк, вольк — светлая тварь, якобы обитающая в дивном Регендале, облачный зверек милой наружности.

Гайст — нематериальная темная субстанция, обладающая реликтами разума. Исследователями описано множество видов гайстов, как чрезвычайно опасных, так и почти безобидных. Некоторые из них существовали лишь в темные времена, но большинство уцелело и после ухода Тьмы. Обязательному истреблению подлежат те из них, что имеют обыкновение вселяться в живых. Уничтожают посредством колдовства.

Гифта — ящеровидная ядовитая темная тварь. Нера-

зумна, малоактивна, сравнительно безопасна, хоть и страшна с виду. Убивают простым железом. До прихода Тьмы гифты были редкостью, с уходом ее почти совершенно исчезли.

Древесные ро — невидимые природные существа, обитающие в тени деревьев. Если обитаемое дерево повредить (при этом из него потечет кровь), ро будут мстить. Но могут быть и благожелательными к смертным. Считается, что в числе предков лучших знахарок и ведъм-целительниц бывают древесные ро.

Дракон — огромное змееподобное создание, часто многоголовое и крылатое. Изрыгает огонь, питается крупной добычей. Тьме не принадлежит. Убивают посредством великого героя.

Зойг — кровососущая темная тварь, имевшая вид очаровательного человеческого младенца. Тому, кто брал его на руки, зойг впивался в шею, высасывал кровь, а с нею, по слухам, и саму душу выедал. Против зойга не действовали сталь и серебро — разрубленное на куски тело охотники сбрызгивали грудным молоком, чтобы не срасталось вновь. К счастью, с уходом Тьмы зойги исчезли совершенно.

Клар — темная тварь больших размеров и отвратительной наружности. Кларами становились колдуны, прожившие на свете менее четверти века, в случае неумеренного расходования сил. Клары имели прозрачную плоть, сквозь которую просвечивали кости, короткие ноги, длинные руки, горбатый загривок и узкое зубастое рыло, истекающее зловонной слюной. Относились к числу самых опасных порождений Тьмы. С уходом Тьмы все старые клары пропали, но в любой момент могут возникнуть новые, если кто-то из молодых колдунов будет недостаточно осторожен.

Навра, или «поющая смерть», — самое страшное из порождений большой Тьмы, исчезнувшее с ее уходом. Навра встречалась только в полностью покоренных Тьмой

землях, ела все, что движется, — живое и мертвое, выедала душу. Выходила из-под земли и уходила в землю. Имела узкорылую морду и тело, напоминающее паучье, но передвигалась на четырех ногах. Против наввры было бессильно любое оружие и простые защитные чары. Убить наввру смертным удалось один-единственный раз, и гибель ее стала началом отступления самой Тьмы.

Никкельман — природная тварь черного цвета, сверху похожая на человека, снизу — на рыбу. Имеет очень острые зубы. Живет в воде, питается рыбой и неосторожными детьми.

Носферат — разновидность вампира, пользуется определенной популярностью в обществе благодаря романтической внешности и аристократическим манерам. Одно время носфераты были в такой моде, что господа специально заводили их в фамильных склепах, жертвуя младшими сыновьями. Но король Хаген III положил конец этой порочной практике, обложив обитаемые склепы неподъемным налогом. Были до большой Тьмы и сохранились после нее.

Одержимый — человек, в теле которого обретается темный дух, полностью или частично подавляющий разум и контролирующий поведение. Подлежит обязательному экзорцизму.

Ратфангер — ночная тварь, исчезнувшая с уходом Тьмы. Имела вид необыкновенно худого человека в сером плаще, с дудочкой в руке. Выманивала детей из дому и уводила во Тьму. Убить ратфангера не удавалось даже лучшим из стражей — исчезал бесследно, растворялся в тенях, едва почувствовав опасность.

Раубрайцы — темные твари. Выходя на охоту, принимают облик красивых юных дев, выманивают жертву из убежища завораживающим танцем или пением и пожирают, зачастую склонив перед тем к соитию. Убить раубрайцу

трудно, но легко прогнать — она не выносит ругани в свой адрес.

Сильфида — светлая тварь из дивного Регендала, имеющая вид очаровательной юной девы и миниатюрный размер. Сильфиды являются духами воздуха, они порхают на крыльях, похожих на стрекозы. Некоторые утверждают, будто встречали их на земле, но мы бы не стали верить рассказчикам на слово.

Скогге — природная тварь, обитающая в лесах. Спереди выглядит как обычный человек, но спина у нее полая, как дупло.

Тролле — северный великан-людоед, ведущий ночной образ жизни. Боится солнечного света, оборачивается в камень. Однако Тьме не принадлежит, судя по тому, что за годы войны троллей стало намного меньше. А жаль, потому что население, проживающее в местах обитания троллей, получает существенное налоговое послабление.

Хильдемойр — природная тварь в виде маленькой женщины, обитающая в кусте бузины, под ее корнями, и мстящая каждому, кто этот куст повредит. К примеру, если из древесины бузины сделать колыбель, хильдемойр станет приходить и таскать ребенка за ноги. Поэтому обращение с бузиной требует особой осторожности.

Шторб — темная тварь, самая вульгарная и примитивная разновидность вампира. Существовала до Тьмы и продолжает существовать с ее уходом. Утверждение, будто штормами становятся исключительно представители низших сословий, является распространенным мифом. На самом деле им оборачивается всякий укушенный независимо от его происхождения. Убивают осиной.

Якул — природная змееподобная тварь, обладающая мощным колдовством. Обитает в лесах, нападает на свою жертву с деревьев.

СОДЕРЖАНИЕ

СВЕТ. ИСПЫТАНИЕ ДОБРОМ? Фантастический роман	5
<i>Приложение</i>	
Дворянские титулы королевства Эренмарк (иерархия)	403
Бестиарий	404